

Питомица молодого
господина Дэмиена

ash_knight17

Питомица молодого господина Дэмиена

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74061727
0101*

Содержание

1 Отрывок	4
2 Под зонтом	7
3 Выданный	16
4 Смотритель	26
5 Комната заключения	34
6 Помощь	45
7 Начало аукциона	55
8 Продано: Часть 1	62
9 Продано: Часть 2	67
10 Мастер Дэмиен – Часть 1	74
11 Мастер Дэмиен. Часть 2	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Питомица молодого господина Дэмиена

1 Отрывок

БЕЗ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

– Кто тебя трогал? – спросил он, мрачно глядя на неё сверху вниз. Когда она не ответила, его голос прогремел по комнате: – КТО?

Дворецкий, стоявший у стены, дрожащим голосом произнёс: «Сэр, это был господин Ревераль». Лицо Дэмиена помрачнело, на скулах от гнева заходили желваки, и он повернул голову в сторону, где сзади стоял дворецкий.

– Приведите этого человека сюда.

– П-прямо сейчас? – прозаикался дворецкий. Была глубокая ночь.

Дэмиен, не отрывавший взгляда от девушки перед ним, упёрся рукой в стену рядом с головой своей прекрасной девушки. Повернувшись, он сначала посмотрел на своего дворецкого, который понурил голову. Собравшись с духом, дворецкий осмелился встретиться взглядом со своим господином. – У вас есть другое, более подходящее время? Или, может, мне сделать это после того, как я сверну вам шею? – спокойно спросил Дэмиен, склонив голову набок. Не про-

шло и секунды, как дворецкий выбежал из комнаты и через двадцать минут вернулся с господином Ревералем.

– Дэмиен, у нас что, позднее чаепитие? – подошёл поздороваться господин Ревераль, но у хозяина дома были другие планы. Заметив на столе нож, воткнутый в яблоко, он потянулся к нему и вытащил его.

Как только господин Ревераль протянул ему руку для рукопожатия, Дэмиен перехватил её и положил на стол. Одним резким движением, словно он шинковал лук, он отрубил мужчине четыре пальца, заставив того взвизгнуть и закричать от боли.

– Никто не смеет трогать то, что принадлежит мне. Уверен, это послужит тебе напоминанием, когда в следующий раз ты хотя бы подумаешь к ней прикоснуться, – вздохнул Дэмиен, словно устал повторять людям, чтобы они держали свои грязные руки подальше от его вещей.

–
Добавляйте/проверяйте и другие книги автора

Одержимость короны

Очарование ночи

Во власти Принца Тьмы

Письма к Ромео

Красавица и Бессмертный: Всё началось с раскопок

Пугало 1889 года

Валерианская Империя

Хайди и Лорд

Бэмби и Герцог
Дворецкий Белль Адамс
Сад Яда
Четвертая Любовьница

—

ПРИМЕЧАНИЕ: «Питомец молодого господина Дэмиена» — часть серии, но эту книгу можно читать как самостоятельное произведение. Читать другие книги не обязательно. Чтобы лучше во всём разобраться, прочтите отзыв автора, закреплённый в разделе с информацией. Обязательно взгляните на него.

2 Под зонтом

1778 год

Дождь лил над землями Бонлейка.

Каждая капля, следуя за другой, делала вид одной деревни тёмным и унылым, и стоящим снаружи было трудно разглядеть, что ждёт их впереди. Вода текла по тесной улочке, унося с собой грязь и слякоть мимо юной девушки, стоявшей под зонтом со своими дядей и тётей.

Её нефритово-зеленые глаза метались из стороны в сторону, и она щурилась, пытаясь разглядеть что-то сквозь тьму и дождь.

– Тетя Марион... как вы думаете, он придёт? Дождь становится всё сильнее. – Она напрягла руки, чтобы удержать зонт ровно.

– Он придёт, Пенни.

Мать Пенни скончалась семь месяцев назад, и с тех пор о ней заботились родственники по материнской линии.

Её тётя потирала и ломала руки. Дождь усиливался, и ветер не помогал – зонт никак не мог защитить их ноги и туфли от намокания. Тётя взглянула на стоявшего рядом мужа. Плотнo сжав губы, они ждали прибытия обещанного человека.

Они стояли там с мешком картофеля и репы, которые сегодня нужно было продать покупателю. Им принадлежала

маленькая лавка на самом краю деревенского рынка. Дела в лавке шли неважно.

Её дядя Ларри усердно трудился, просыпаясь рано, чтобы открыть лавку первым, и закрывая её последним, но, несмотря на все его старания, доход был ниже ожидаемого. В конце концов, лавка находилась в стороне от других торговых мест, что делало её последним пристанищем для местных жителей и состоятельных покупателей.

Час назад гонец передал им срочный заказ на овощи, утверждая, что за ними скоро придут, но прошёл час, а никто так и не появился. Пенни гадала, придёт ли этот человек вообще в такой ужасный ливень, затопивший улицы. Возможно, это был какой-то богач, устраивающий вечеринку для таких же, как он. Люди, чей статус был слишком высок, чтобы её семья могла с ними разговаривать.

– Ты уверен, что он придёт? – услышала Пенни шёпот своей тёти Марион, обращённый к дяде.

– Пойду проверю на рынке, может, они там, – ответил он, уже готовясь раскрыть зонт, но жена схватила его за рубашку.

– Я пойду с тобой. Не хочу потом находить тебя на земле с сорванной спиной. Пенни, дорогая, – тётя Марион обернулась через плечо, чтобы встретиться взглядом с племянницей, чьи глаза сияли на фоне мрачной погоды, – мы с твоим дядей пойдём посмотрим, не ждёт ли нас тот человек у входа на рынок. Оставайся здесь, чтобы нам не пришлось потом

ещё и тебя искать. Хорошо?

– Давайте лучше я пойду. Я буду намного быстрее, – пообещала девочка, но дядя лишь покачал головой.

– Ещё не хватало, чтобы ты потерялась. Делай, что тебе говорят, – слова дяди Ларри были резкими и не оставляли места для возражений.

Он всегда был с ней резок, из-за чего она часто задавалась вопросом, не был ли он против того, чтобы она жила с ними.

– Не волнуйтесь об овощах. Я их постерегу, – Пенни ободряюще улыбнулась, и тётя в ответ коротко кивнула ей, прежде чем поспешить прочь с дядей Ларри под одним зонтом.

Дождь продолжал лить, и над головой тихо ворчал гром. Для жителей Бонлейка дожди были обычным делом, ведь солнечных дней в сравнении с ними было немного.

Башенный колокол зазвонил так громко, что мог поспорить с дождём и громом. Небо потемнело ещё сильнее, и мимо неё, не останавливаясь, проехала карета. Никто не поинтересовался, почему она стоит одна под дождём и не нужна ли ей помощь.

Она отступила на шаг под ветхую маленькую крышу, которая помогла уменьшить давление на её чёрный зонт.

Ветер усилился, и стало труднее защитить от влаги ноги и подол платья. Пока она стояла там, ожидая возвращения дяди и тёти и внимательно глядя по сторонам, чтобы не пропустить покупателя, который согласился приехать за товаром,

мимо проехала ещё одна карета, иссиня-чёрного цвета.

Поскольку Пенни не разбиралась в каретах, она не знала, кому они принадлежат, ведь все они казались ей практически одинаковыми по виду и цвету. Такая роскошь обычно принадлежала мужчинам и женщинам из высшего общества. Её единственный опыт с этим видом транспорта сводился к поездкам в местной карете, набитой другими простолюдинами и перевозившей их из одной деревни в другую.

Чего Пенни не заметила, так это того, что эта карета остановилась за углом от того места, где она стояла.

– Господин, всё в порядке? Вы что-то уронили? – спросил кучер, которому приказали остановиться.

Человек в карете не ответил, проигнорировав кучера, и уставился на юную девушку, стоявшую в одиночестве под хлипким зонтом и шаткой крышей, в которой было больше дыр, чем укрытия. Невозмутимая под проливным дождём, она крепко сжимала в руках свою последнюю защиту. Её взгляд периодически блуждал по сторонам в поисках чего-то, пока в облаках не раздался громкий раскат.

Когда она подняла лицо к небу, господин в карете увидел улыбку, которая тронула его.

Это была прекрасная юная дева, её светлые волосы были заплетены в одну косу, лежавшую на плече. Когда ветер ударил ей в лицо, она тонкими пальцами убрала непослушные пряди, закрывавшие её лицо.

Несмотря на сильный дождь и пасмурный день, он всё ещё

мог видеть её довольно отчётливо.

Её черты были довольно утончёнными и пришлись ему по вкусу, и, будь у него возможность, он бы подошёл и заговорил с ней, но у него были другие дела. Неотложные дела, требовавшие его внимания.

Увидев, что его господин откинулся на спинку сиденья, кучер спросил, зная, что может не получить немедленного ответа: – Мы едем, господин?

Дэмиен выдохнул одно слово: «Да», – бросив последний взгляд на девушку, которая привлекла его внимание.

Кучер, уставший так долго находиться под дождём, был благодарен, что может возобновить путь к какому-нибудь укрытию, и поспешно натянул поводья, чтобы поторопить лошадей.

Пенни продолжала ждать под дождём, пока ей не показалось, что прошло слишком много времени с тех пор, как дядя и тётя оставили её здесь. Она забеспокоилась, испугавшись, что с ними что-то случилось. Она гадала, стоит ли ей пойти на их поиски, чтобы убедиться, что они в порядке. Её дядя и тётя были уже немолоды, и из-за дождя они могли поскользнуться и упасть.

Прежде чем она успела что-то решить, сквозь пелену дождя она увидела фигуру, идущую к ней с зонтом. Это был мужчина в длинном пальто. Пенни догадалась, что это и есть тот самый покупатель.

Он опоздал!

Пенни не нравилось, что только потому, что они были бедны, другие могли обращаться с ними как им вздумается. Их время было так же важно, как и время богачей!

Мужчина подошёл к ней, и, как только он оказался достаточно близко, она отчитала его: «Мистер, прошёл уже час с назначенного времени. Вы не понимаете, что из-за вашей беспечности все овощи промокнут? Вам придётся доплатить за то, что мы потратили на вас время». Она обвиняюще вскинула брови, чтобы убедиться, что он понял её слова.

Мужчина уставился на неё, его чёрные глаза осматривали её с головы до ног, вызывая у неё дискомфорт.

– Где твой дядя?

У него был шрам, пересекавший рот, что заставило её насторожиться.

– Из-за вашего опоздания они ушли искать вас под дождём, но должны вернуться с минуты на минуту. Вы – господин Джозеф, верно? – спросила она с большим подозрением.

– Да, – сказал он, осматривая окрестности, чтобы убедиться в отсутствии посторонних.

Большинство жителей деревни укрылись в своих домах, чтобы не промокнуть и не подхватить лихорадку.

– Ваш товар здесь. Платите, и можете забирать, – она хлопала по мешку с картофелем и репой.

Мужчина уставился на неё, и на его губах появилась улыбка.

– Оплата уже была произведена...

Когда это? Пенни бросила на него сомневающийся взгляд, обдумывая его слова. Может, этот человек доверял её дяде, и у них уже были с ним дела. Как бы маловероятно это ни звучало, технически это было возмож... А-А-А!

Внезапно, вместо того чтобы взять мешок рядом с ней, мужчина схватил её за запястье и потащил к себе.

– Что вы делаете, мистер?! – Пенни была ошеломлена такой внезапной переменой. – Отпустите мою руку, – твёрдо сказала она, пытаясь вырваться из его хватки, но он был слишком силён.

Не в силах вырваться, она схватила гнилую морковь, которую ранее отложила на прилавок, чтобы выбросить позже. Взяв её, она ткнула ему прямо в лицо, целясь в глаза и заставив его взвизгнуть от боли. Он инстинктивно отпустил её руку.

Без промедления она сложила зонт и со всей силы ударила его по голове краем ручки, после чего бросилась бежать. Из-за бесчисленных луж, покрывавших землю, каждый её шаг сопровождался громким всплеском. Одной рукой она придерживала подол платья, отчаянно несясь по улицам.

Она слышала, как за ней гонятся более громкие и агрессивные всплески. К несчастью, нападавший упорно её преследовал. Она бежала изо всех сил, сворачивая в переулки и пересекая улочки, пока не нашла за углом большую колонну, чтобы спрятаться за ней.

Пенни задыхалась. Прошла целая вечность с тех пор, как

она в последний раз так отчаянно бежала.

В последний раз это случилось, когда за ней гналась корова. Она ничего не сделала, чтобы разозлить животное. Животное невзлюбило её без всякой видимой причины и, казалось, преследовало от скуки. К её радости и к огорчению тёти, корову продали два месяца назад.

Услышав приближающийся плеск, она зажала рот рукой и подтянула мокрое платье между ног, молясь, чтобы он прошёл мимо колонны, не останавливаясь.

Она чувствовала, как сердце колотится в груди.

Когда мужчина остановился, чтобы посмотреть, куда она делась, она осторожно выглянула из-за края колонны. Этот переулок вёл к развилке на три дороги, и с точки зрения мужчины она могла выбрать любую из них. Пенни было всё равно, какую он выберет, лишь бы это был не четвёртый вариант — место за этой колонной!

К счастью, мужчина выбрал второй путь.

Пенни выбралась из своего укрытия и побежала обратно к лавке, надеясь, что дядя и тётя уже вернулись. Добравшись до неё, она увидела, что их всё ещё нет, и не знала, что делать. Приняв во внимание, что она не сможет далеко унести мешок с овощами и что дождь, скорее всего, уже испортил всё его содержимое, она решила оставить его здесь.

Поскольку она уже промокла до нитки, она не стала возиться с зонтом и пошла прямо домой, безропотно позволяя дождю литься на её голову и платье.

Пройдя четверть пути домой, она вдруг ощутила дурное предчувствие. Она остановилась и резко обернулась, чтобы проверить, не следует ли кто-нибудь за ней, но, не увидев никого позади, вздохнула с облегчением. Когда она снова повернулась вперёд, всё, что она увидела, – это господин Джо-зеф, стоявший прямо перед ней. Не прошло и секунды, как его рука метнулась к ней, и она потеряла сознание.

В небе прорычал гром, ветер сменил направление, и дождь наконец прекратился. Всего за несколько минут юную девушку похитили без единого свидетеля.

3 Выданный

Проснувшись от раскатов грома и шума дождя, Пенни изо всех сил пыталась разлепить тяжёлые веки, пока наконец не смогла смутно различить очертания металлической решётки прямо перед собой. Она моргнула раз, затем другой и приподнялась с мокрого пола. Через маленькое окошко в стене в комнату проникал дождь, образуя на полу лужу.

Не понимая, где находится, она встала и огляделась. Это была камера с тремя каменными стенами, четвёртую заменяла металлическая решётка. Единственное окно тоже было зарешечено, не позволяя никому ни войти, ни выйти. Комната была гораздо меньше её спальни в доме тёти.

В камере не было источника света, но впереди, за решёткой, Пенни заметила свет, пробивавшийся сквозь прутья от фонаря, который, должно быть, стоял на полу.

Подойдя к решётке, она стала искать выход. Обнаружив дверь, она со всей силы потянула и толкнула её, но железные прутья были заперты.

Она попыталась вспомнить, как сюда попала, но последним её воспоминанием было то, как она спешила домой, по пути столкнулась с господином Джозефом, а потом её оглушили.

– Здесь есть кто-нибудь? Э-эй! – крикнула Пенни, не зная, хочет ли она услышать ответ. Ей хотелось узнать, где она и

зачем её сюда привели, но она понимала, что ни один из ответов её не успокоит. – Эй! Кто-ниб...

– Хватит орать, – раздался за её спиной раздражённый голос, отчего Пенни чуть не подпрыгнула от неожиданности. Она не ожидала, что здесь есть кто-то ещё. – Хочешь навлечь на меня беду?

Пенни резко повернула голову к углу комнаты, откуда из тени показался женский силуэт.

У женщины были огненно-рыжие волосы, заплетённые в косу, похожую на её собственную. Вот только волосы Пенни были ухоженными, а платье хоть и промокло, но оставалось опрятным. Внешность же этой женщины можно было описать одним словом – потрёпанная, а её одежда была грязно-белого, выцветшего цвета. Если не считать волос, во всех остальных отношениях незнакомка была ничем не примечательна.

Пенни оглядела камеру, чтобы убедиться, что больше никого нет, и снова повернулась к женщине за ответами.

– Мисс, где я? Должно быть, это какое-то недоразумение... – её прервал внезапный безудержный смех женщины.

– Мисс? Мисс!

Она вздохнула.

– Как давно меня так никто не называл?..

Женщина смирила взглядом девочку, которую заточили вместе с ней. Давненько у неё не было компании. Последним был мальчишка, который трещал без умолку, пока его не пе-

ревели на другой уровень.

– Как тебя зовут, девочка?

– Пенелопа... но большинство называет меня Пенни.

Женщина указала на камеру, в которой они были заперты.

– Я Кейтлин, и это прекрасное место, которое ты видишь, принадлежит невольничьему заведению. Ты в одной из многочисленных камер, отведённых для нас, рабов.

Услышав это, Пенни нахмурилась.

Невозможно. Она не рабыня, так как же она могла оказаться в невольничьем заведении? Неужели похититель продал её сразу же после поимки?

– Мисс Кейтлин, это всё недоразумение. Видите ли, меня не должно здесь быть. – Насколько она знала, рабов обычно продавали за деньги. Это был один из самых простых и быстрых способов заработать. Хотя это и не делало человека богатым, но помогало невольничьему заведению существовать в качестве посредника и получать значительную комиссию от покупателей.

Женщина направилась обратно в тёмный угол, и теперь, когда глаза Пенни привыкли к темноте, она увидела, что та лежит на полу.

– Никого из нас здесь быть не должно. По крайней мере, большинство из нас. Но людям нельзя доверять. Судя по твоей реакции, ты не знаешь, кто тебя продал, верно?

– Знаю!

Как могла Пенни забыть мерзкое лицо и имя этого чело-

века?

Она была в ярости.

Кейтлин посмотрела на неё с одобрением. Для маленькой девочки, которую без предупреждения бросили в невольничье заведение, она была куда крепче духом, чем остальные, попадавшие в это место. Либо девочка была изнеженным дитя, которое и вправду не знало, что здесь происходит, либо она пыталась не падать духом.

– Это был человек со шрамом на лице. Его звали господин Джоз... нет, Джозеф. Он должен был купить у моей семьи мешок овощей, но опоздал, а шёл дождь, поэтому мои дядя и тётя пошли его искать.

– Дай-ка я закончу твою историю. Твои дядя и тётя не вернулись даже спустя долгое время, зато явился человек, которого, как ты думаешь, зовут Джозеф.

Даже в темноте Пенни разглядела откровенно скучающее выражение на лице Кейтлин.

Вздыхнув, она продолжила: «То, что с тобой случилось, – не редкость. Поздравляю! Тебя продали твои же родственники». Её саркастический тон был безразличным и отстранённым.

– Они бы никогда так не поступили! – Пенни была глубоко оскорблена тем, что женщина осмелилась обвинить родственников, которые приютили её после смерти матери. – Это того человека, Джозефа или как там его, нужно поймать и повесить за то, что он притащил меня сюда!

Сколько мальчиков и девочек выкрикивали похожие слова в надежде, что это спасёт их от этого места? Всегда плакали и выли именно молодые. Они кричали, взывая к тем самым людям, которые их продали, умоляли о спасении, обещали исправиться, а иногда приправляли свои слова проклятиями.

Это место ещё не успело подействовать на Пенни, но её дух в конце концов будет сломлен, в этом Кейтлин была уверена. Она не станет тратить силы на дальнейшие объяснения. Реальность ударит по девочке и без её помощи.

– Мисс Кейтлин, – Пенни подползла и села рядом с ней, – есть ли способ сбежать отсюда?

Когда Пенни задала этот простой вопрос, Кейтлин начала неудержимо кашлять, и кашель перешёл в хохот. Одной рукой она держалась за живот, а другой прикрывала глаза. Прошло добрых десять секунд, прежде чем она смогла взять себя в руки. Она выпрямилась, прислонившись спиной к стене, и прокашлялась, заставив Пенни с предвкушением податься вперёд.

– Думаешь, я тут пейзажами люблюсь? Если бы я знала, как отсюда выбраться, я бы не сидела здесь и не гнила в этой вонючей дыре.

Пенни задумалась, не смутившись её ответом. Она поджала губы и бросила на Кейтлин решительный взгляд. – Отсюда есть выход?

Женщина постарше пристально посмотрела на девочку и

коротко кивнула.

— Если ты спрашиваешь о выходе, то да. Разве не в каждом здании есть вход? В этом есть одна-единственная дверь, через которую вводят и выводят рабов, и у входа обычно стоят двое охранников.

Плечи Пенни поникли. Это было всё равно что сказать, что выхода нет.

В ту ночь Пенелопа не могла уснуть. Она размышляла о своём положении и названии этого места: невольничье заведение — место для рабов. Рабы! Само это слово наполнило её ужасом, заставив крепко зажмуриться.

Она не хотела здесь оставаться и закончить, как эта женщина, которая спала, повернувшись к ней спиной на холодном, твёрдом полу, беззаботно приняв свою судьбу. Никто не хотел быть рабом!

Пенни смутно догадывалась, что невольничье заведение находится далеко от дома её дяди и тёти. У её родственников не было своих детей, поэтому тётя и взяла её к себе, чтобы заполнить пустоту в их жизни, и именно поэтому Пенни отказывалась допускать мысль, что они продали её в рабство. По крайней мере, она пыталась так думать первые несколько часов, но со временем слова Кейтлин снова и снова эхом отдавались в её голове.

Пенни не была наивной маленькой девочкой.

Она умела торговаться с уличными торговцами, а при необходимости — и стащить у них что-нибудь так, что никто

и не заметит. Что ещё важнее, она обычно очень хорошо разбиралась в людях. Из-за ограниченного выбора развлечений она коротала время, внимательно разглядывая любого прохожего, проходившего мимо маленького домика, принадлежавшего её дяде и тётё.

Благодаря этому навыку она насторожилась при виде Джозефа ещё до того, как он схватил её за запястье. Но её дядя и тётя...

Она слышала истории о том, как собственные семьи продавали своих детей в невольничье заведение, чтобы получить приличную сумму серебряных монет, но никогда не ожидала, что её собственная семья способна на такое.

Когда они это спланировали?! Почему она не заметила?!

Пенни в гневе уставилась на противоположную стену.

Дом был маленьким и состоял из кухни, общей комнаты и кладовки для хранения собранных овощей. Она всегда была рядом хотя бы с одним из них. Стены были слишком тонкими, чтобы скрыть даже их шёпот, не говоря уже о заговоре с целью её продажи.

Неужели горстка серебра стоила больше, чем её свобода?

Гнев, достигший своего пика, медленно угас, сменившись грустью и чувством предательства, которые охватили её.

Крепко обняв колени, она посмотрела на зарешеченное окно, которое находилось так высоко, что она не смогла бы дотянуться до него, даже встав на плечи Кейтлин. Оно открывало лишь крошечный клочок неба.

Она подумала о матери и горько затосковала. Мать бы никогда её не продала!

Когда она видела, как её мёртвую мать несли в гробу на деревенское кладбище, Пенни пролила бесчисленное количество слёз и всё время рыдала. Воспоминания об этом вновь вызвали слёзы, но ни одна слезинка не упала – она сдержала их, часто моргая.

Мать растила её в одиночку. Её бессердечный отец бросил их, когда она была ещё младенцем, и больше не возвращался.

Погружённая в воспоминания, Пенни положила подбородок на колени. Глядя в пустоту, она услышала снаружи крик. Вздвогнув от испуга, она подняла голову и нахмурилась.

Она подошла к железным прутьям, не касаясь их.

Прутья были старыми и настолько проржавевшими, что покрылись оранжевыми пятнами. Красная плёнка ржавчины, казалось, отслаивалась от стержней за долгие месяцы и годы.

Она подошла чуть ближе, и её сердце затрепетало, когда раздался ещё один крик. Это был пронзительный, полный боли вопль, от которого ей стало крайне не по себе. Женщина кричала так, словно её подвергали мучительным пыткам.

– Она рабыня...

Обернувшись, она увидела, что Кейтлин больше не лежала на боку, а перевернулась на спину, положив руки на живот. Пенни нахмурилась в ответ на её слова и снова посмотрела в пустой коридор перед собой.

Пенни не удержалась и шёпотом спросила: «Что они с ней делают?»

Она прищурилась, пытаясь разглядеть конец коридора, но тьма не позволяла ничего увидеть. Судя по тому, насколько было видно ночное небо, и по тому, что никто не проходил мимо, чтобы их проверить, Пенни предположила, что уже далеко за полночь. Зачем кого-то пытаться в такой час?

– Они пытаются тех, кто плохо себя ведёт. Рабы здесь – не более чем животные, которых фермер растит на продажу по сходной цене. То, что ты слышала о невольничьем заведении снаружи, – это даже не верхушка айсберга, – голос женщины был мрачным, и с её губ сорвался унылый вздох. – Ты и представить себе не можешь, что здесь творится... здешние работоторговцы намного хуже тех, кто нас сюда приволок. То, что ты сейчас слышишь, – обычное, повседневное дело. Всегда найдётся один-двое непокорных и несгибаемых... – женщина замолчала, раздумывая, стоит ли говорить дальше, – ...именно новым рабам всегда достаётся особое обращение. Так что подумай дважды, прежде чем задумаешься о побеге, девочка.

На этот раз Пенни подавленно сузила глаза от того, что только что узнала. – Что будет, если меня поймают? – затаив дыхание, она ждала ответа Кейтлин. Крики, доносившиеся снаружи, заполнили тишину в их маленькой камере.

– Ты пожалеешь, что эта мысль вообще пришла тебе в голову.

Рабство в четырёх землях, особенно здесь, где правили чистокровные вампиры, было законным и процветающим бизнесом. Вся эта индустрия существовала в рамках закона, который поддерживался Советом.

Когда пропадали люди, вину часто возлагали на печально известных черных ведьм, и вполне заслуженно. Те обычно похищали мужчин, женщин и детей для своих колдовских ритуалов и прочих личных нужд.

Несмотря на то, что родственники её предали, Пенни решила, что не задержится здесь надолго.

Она сбежит, и сделает это скоро.

4 Смотритель

Когда наступило утро, дождь давно прекратился, но небо оставалось пасмурным и хмурым. Металлический прут с лязгом прошёлся по железным решёткам каждой камеры, будя всех рабов ни свет ни заря. Все камеры отперли, чтобы рабы вышли наружу и выполнили работу, порученную Смотрителем и его стражниками.

Протирая глаза, Пенни проснулась и увидела, как дверь её камеры распахнули, что принесло ей лёгкое облегчение. Это был хороший знак! Раз уж рабы не были заперты в камерах всё время, оставалась ниточка надежды, а для того, кто застрял на дне колодца, и ниточки надежды могло быть достаточно, чтобы выбраться. Пока что она ничего не знала об этом месте. Стало очевидно, что сведения, которые она узнала о нём снаружи, были недостаточными и неточными. Пора собирать информацию!

Когда она вышла из камеры, множество других одетых в лохмотья людей апатично проходили мимо неё. Свет в их глазах давно угас, сменившись безнадежностью и покорностью. Очевидно, это были рабы.

“Куда мы идём?” – спросила она Кейтлин, которая прошла мимо, следуя за движущейся толпой. Пенни поспешила за ней и пошла рядом по узкому коридору.

“Сама увидишь”.

Пенни хотелось, чтобы ответы её соседки по камере были чуть более содержательными. Та была немногословна и оставляла всё на потом, словно какую-то тайну, чего человеку в её положении хотелось меньше всего. Лишь взглянув на других угрюмых и молчаливых рабов, идущих рядом с ними, она почувствовала, что ей ещё повезло оказаться в паре с кем-то вроде Кейтлин.

“Это Смотритель. Ни в коем случае не перечь ему. Во что бы то ни стало, не попадайся ему на глаза”, – кивнула Кейтлин на кого-то, стоящего впереди рабов, далеко от них.

Пенни всмотрелась в толпу, чтобы найти мужчину в форме, которому на вид было под тридцать – слишком молодого, чтобы быть главой невольничьего заведения. Его острые красные глаза окидывали взглядом рабов, проходивших мимо, заставляя их дрожать и трепетать от страха.

Почувствовав на себе чужой взгляд, он резко повернул голову в ту сторону, но Пенни оказалась быстрее.

За мгновение до того, как их взгляды встретились, она устояла прямо перед собой, стараясь выглядеть такой же безобидной и невинной, какой только может быть маленькая девочка, запертая в невольничьем заведении. В моменты неуверенности или сомнений мудрее всего слушать тех, кто уверен в себе. Пенни приняла совет Кейтлин близко к сердцу. Прожив на пять или шесть лет дольше Пенни, причём в худших условиях, та казалась весьма уверенной в себе.

Рабы резко остановились, из-за чего она едва не врезалась

в человека перед ней. Недоумевая, что случилось, она вдруг услышала, как один из стражников приказал им: “Раздеться!”

Что?!

Глаза Пенни полезли на лоб. Она резко повертела головой влево и вправо, увидев, что все рабы вокруг неё начали снимать одежду.

Они это серьёзно!

...

Она определенно не собиралась снимать одежду перед таким количеством незнакомцев! Хотя какая разница, знала она их или нет! Она не снимет это платье!

Она упрямо застыла на месте, не выказывая ни малейшего намерения раздеваться, и тогда один из стражников, отдавших приказ, заметил, что она отказывается снимать одежду.

“Ты что, не слышала, что я сказал? Снимай одежду, рабыня”, – говоривший стражник был крупным и мускулистым. Колючая борода покрывала его стиснутую челюсть, и он впился взглядом в непокорную Пенни.

Даже услышав его грубое требование, обращённое к ней, она оставалась непреклонной. Её бездействие привлекло внимание не только раздевающихся вокруг рабов, которые подбирали свою одежду с земли, но и двух других стражников, расположившихся неподалеку, чтобы следить за поведением рабов и заодно наслаждаться представлением, которое устраивалось каждое утро.

“Снимай одежду”, – прошептала Кейтлин Пенни. Видя, что девушка послушалась приказа стражника, Кейтлин подумала, не сломалась ли та под давлением. Она ведь советовала ей не высовываться перед Смотрителем, а та вместо этого тут же привлекла к себе внимание, воспротивившись слову стражника, и именно сейчас.

До сих пор Пенни никогда ни перед кем не обнажалась и не собиралась начинать сейчас, даже если ей прикажут.

Смотритель, тихо наблюдавший за сценой с другого конца коридора, поднял руку, заставляя стражника замолчать, прежде чем тот успел рявкнуть ещё хоть один приказ. Он сделал знак мускулистому стражнику, и тот понимающе кивнул.

“Ты остаёшься здесь, – рявкнул стражник на Пенни, очевидно, новенькую в невольничьем заведении. – Остальные – в душ и приведите себя в порядок. Завтра на рынок мы поведём только тех, у кого товарный вид!” Он положил руку на плечо Пенни, не давая ей убежать в душ вместе с остальными рабами.

Пенни сохраняла невозмутимое выражение лица, не показывая и намёка на страх, но не была уверена, как долго сможет сохранять эту маску. Внутри она была напугана – так напугана, что хотела броситься бежать оттуда, если бы её не удерживал на месте мускулистый стражник.

Остальные стражники последовали за рабами, чтобы приглядеть за ними, а она осталась стоять на месте, не замечая

Смотрителя, который подошёл к ней сзади со своим личным стражником. Он пристально разглядывал её своими алыми глазами.

Внезапно Пенни услышала щелчок чьих-то пальцев, и в следующее мгновение стражник потащил её и затолкал в соседнюю комнату без окон. На столе в центре комнаты горел фонарь, но его света не хватало, чтобы разглядеть чёрные стены, образующие комнату. Рядом с фонарём лежало несколько журналов для записей и каменная статуэтка, достаточно тяжёлая, чтобы стол не шатался.

Споткнувшись, она подалась вперёд и едва удержалась, чтобы не упасть на стол. Она обернулась, чтобы заговорить, но увидела, что за ней в комнату вошёл Смотритель. Тут-то она и замолчала, и подумала, не было ли её поведение глупым.

Это была не её деревня, где можно было отказать или договориться с противной стороной. Это было невольничье заведение! Когда это осознание дошло до неё, она отступила на шаг от мужчины, который кивнул стражнику. Дверь со щелчком закрылась.

Мужчина возвышался над ней. Пенни нельзя было назвать низкой, но этот Смотритель был на четыре головы выше, а может, и больше. Старый шрам пересекал его губы по диагонали, брови – густые и тёмные, а в глазах блестела злоба, которую она раньше не заметила из-за расстояния между ними.

Пенни внутренне запаниковала.

Соседка по камере предупреждала её избегать этого человека, и вот, пожалуйста. Заперта в тёмной комнате с самим дьяволом в свой самый первый день здесь.

Он приблизился к ней. Казалось, каждый его шаг отдавался эхом в унисон с сердцем Пенни, которое тяжело стучало от страха. Она попятилась назад, скользя рукой по поверхности стола, обходя его, чтобы стол оказался между ними. Не в силах здраво соображать, её пальцы коснулись цилиндрического предмета, который она инстинктивно схватила.

Это было писчее перо.

Отшвырнув стол на пол, Смотритель наконец загнал её в угол, прижав к стене. Его рука потянулась к её лицу. Испугавшись, Пенни полоснула пером по его ладони, разрывая кожу и заставляя его вздрогнуть, но мужчина не отступил. Его кровоточащая рука метнулась прямо к её шее, впечатав её спиной в стену.

Выронив перо на пол, она почувствовала, как воздух медленно покидает её лёгкие, пока Смотритель сжимал хватку всё сильнее.

Смотритель приблизил губы к её уху: “Я встречал многих, таких же, как ты. И каждый раз я наслаждался, ломая их, пока они не становились настоящими рабами”.

“О-отпусти меня!...” – она отчаянно царапала и тянула его руку, не в силах оторвать её от своего горла. Мужчина не шелохнулся. И как раз в тот момент, когда ей показалось,

что она ослабила его хватку, он дёрнул её на себя, а затем с нечеловеческой силой во второй раз впечатал в стену.

Она издала громкий вздох, едва не теряя сознание.

“Непокорных рабов нужно учить их месту. Думаешь, ты лучше других здешних? Так вот, это не так”, – издевался мужчина. Он посмотрел на неё, прежде чем отпустить, давая ей секунду, чтобы глотнуть воздуха.

“Раздевайся”.

Она тёрла шею, когда слышала его. “Думаешь, ты лучше тех, что снаружи, и я разденусь перед тобой после того, как отказала им? Так вот, это не так”. Едва закончив фразу, она поняла, что последствия будут болезненными.

Смотритель дал ей такую сильную пощёчину, что у неё зазвенело в ушах. Она упала на колени, из глаза на той стороне, куда пришёлся удар, выкатилась слеза.

Но чего Смотритель не осознавал, так это того, что Пенни уже заметила другой предмет, откатившийся к ним, когда он отшвырнул стол. Пока Смотритель, давая ей секунду прийти в себя, осматривал рану на руке, у Пенни появился идеальный шанс для удара.

Она схватила каменную статуэтку и со всей силы ударила его по голове, разбив статуэтку вдребезги.

И снова он даже не пошатнулся.

На этот раз он был застигнут врасплох, не сумев предвидеть второго удара с её стороны. Глядя на неё полными насмешки глазами, он рассмеялся. Его смех громко разнёсся

по запертой комнате, оставив Пенни в замешательстве и напугав её ещё сильнее прежнего.

“Ну ты и учудила. Давненько мне не попадалась такая дерзкая штучка. Чем больше ты будешь непослушной, тем веселее нам будет!”

Она сглотнула.

Сейчас ей не сбежать, и она это знала. Сколько бы раз она его ни била, этот мужчина так и будет стоять, невозмутимый. Его рука скользнула к её затылку и дёрнула её за волосы вверх, заставив взвизгнуть от боли, когда её оторвали от пола.

“А ты довольно храбрая. Ударить меня, не раз, а дважды. Тебя нужно научить следовать правилам, и правило номер один – ‘всегда делай, что я говорю’”.

5 Комната заключения

Стук в дверь прервал Смотрителя прежде, чем тот успел пригрозить ей дальнейшими словами и действиями. – Что? – рывкнул он в сторону двери, когда с другой стороны комнаты раздался ещё один стук.

Как бы она ни старалась быть сильной, Пенни боялась за свою драгоценную невинность. Она осознавала своё невыгодное положение. Теперь она была девушкой, ставшей частью этой незаконно-законной торговли невольничьего заведения. Не говоря уже о том, что она была человеком, в отличие от этого вампира, который больно дёрнул её за волосы, заставив вздрогнуть, но на этот раз она не осмелилась шелохнуться. Она надеялась, что он отшатнётся, когда она ударила его не один, а целых два раза, но это лишь навлекло на неё ещё большие неприятности.

– Прибыл господин Гиббс, он хочет поговорить с вами, – передал сообщение стражник. Прежде чем Пенни успела начать молиться и благодарить свою счастливую звезду за того, кто прервал Смотрителя, тот ответил:

– Скажи ему, что я занят. – Должно быть, Смотритель принадлежал к низшим вампирам, поскольку она слышала, что только чистокровные вампиры, также известные как элита их общества, обладали тёмными, налитыми кровью глазами.

– Он говорит, что это срочно. Он из совета, – ответил стражник, который, казалось, не собирался уходить от двери. Смотритель с цыканьем оттолкнул её от себя. Пенни увидела, как он, поправив мундир, открыл дверь и вышел наружу. – Отправьте её в комнату заключения. Я разберусь с ней позже.

Комната заключения?

Ей не потребовалось много времени, чтобы понять, что это такое, когда её повели на другой этаж, где почти не было света. Коридор был тёмным, и если бы не фонарь в руке стражника, она была уверена, что затерялась бы здесь навсегда. Её руки связали, и мужчина, ведя её вперёд, тащил её за собой.

Пока Пенни шла за ним, она заметила вначале множество пустых камер, а затем увидела, что две из них заняты. Мужчина и женщина, связанные и запертые внутри. Если она думала, что камера, в которой она была до этого, плоха, то эта была ещё хуже. От маленьких, проржавевших камер исходило странное зловоние.

Когда они дошли до конца коридора, стражник сильно дёрнул за верёвки и затолкал её в пустую камеру, после чего запер. К этому моменту она решила, что лучше больше не испытывать терпение никого из здешних стражников или Смотрителя. Она всё ещё чувствовала, как по спине бежит дрожь страха, и это ощущение не давало ей покоя.

Камеру заперли, и стражник ушёл, оставив её наедине с

двумя другими людьми, запертыми в своих камерах заключения. Казалось, управляющие этим заведением хотели, чтобы она поразмыслила над содеянным, так как в кромешной тьме больше нечем было заняться, но она не знала, о чём тут было размышлять? К счастью, она успела мельком осмотреть маленькую камеру, прежде чем свет исчез.

Ей повезло по сравнению с остальными рабами, попадавшими в эту часть мира. С рабами обращались как с грязью. Смотритель был здесь для того, чтобы убедиться в их покорности, дабы рабы не доставляли хлопот своим будущим хозяевам, но были и такие торговцы, которым нравились именно такие, непокорные. Некоторых убивали, других насиловали, дух третьих к моменту продажи был сломлен, а некоторым, как её сокамернице, было просто всё равно, что произойдёт.

Первый час Пенни сидела на полу, зажимая нос, так как едва могла вдыхать этот отвратительный запах. От скуки следующий час она проспала, но, проснувшись, снова была встречена тьмой. Она не знала, сколько времени здесь прошло, и чем дольше она тут находилась, тем больше впадала в уныние.

Затем она поняла, что дело было не только в размышлениях о содеянном. Комнаты заключения были местом, где нельзя было ни говорить, ни слышать, ни видеть. В наказание человека отрезали от внешнего мира.

Не зная, когда её выпустят, она закричала: «Эй! Есть здесь кто-нибудь?» – но в ответ получила лишь тишину. – «Эй!»

Пытаться докричаться до других людей казалось бесполезным, и она продолжала празднично сидеть в камере. Её лишили привилегии есть и пить, так что она провела в комнате заключения два дня. Поскольку это был её первый раз, на третий день её выпустили. Другой стражник потащил её обратно в отведённую ей камеру.

Свет резал глаза, заставляя девушку жмуриться, пока она шла по коридорам. Проходя мимо некоторых камер, она слышала, как другие девушки хихикают над её участью.

– Вот что бывает, когда решаешь строить из себя недотрогу, – услышала она комментарий одной девушки, а другая добавила:

– Это ведь новенькая? Они никогда не знают, как себя вести. Думаешь, она плакала?

– Держу пари, плакала, посмотри на её глаза и на то, как она идёт... – попыталась прошептать первая. Пенни не понимала, зачем они пытаются шептаться, если она и так их прекрасно слышит. – Надзиратель Клейтон, должно быть, уже её трахнул.

Стражник никак не отреагировал, будто был глух, а у девушки было слишком мало сил, чтобы говорить. Она не хотела возвращаться туда, ведь прошло всего несколько минут с тех пор, как она вышла из комнаты заключения. Её тело ослабло от боли. Два дня, проведённые в одиночестве, без единой души, с кем можно было бы поговорить, начали медленно притуплять и утомлять её разум. Одна. Это одиноче-

ство было не таким ужасным, как то, что она чувствовала после смерти матери, но она ощущала окружающую её пустоту.

Когда они дошли до её камеры, взгляд Пенни упал на женщину по имени Кейтлин, которая смотрела на неё с непроницаемым выражением лица. Стражник со скрипом открыл железную дверь, и она послушно шагнула внутрь.

– Я же говорила тебе не высовываться, – сказала женщина, не вставая с места. – Ты в порядке? – спросила она, заметив, что Пенни хромает.

– Я и не высовывалась. Ты не говорила, что мне придётся раздеваться, – нахмурилась девушка, отходя в другую сторону и сползая на пол. Воздух, которым она теперь дышала, казался блаженством по сравнению с тем, что она вдыхала в тёмной комнате, откуда пришла.

Женщина хмыкнула. – Ты думала, тебя на чаепитие пригласили? Это невольничье заведение, Пенни. Раздеться здесь – обычное дело. Ты больше не часть того внешнего мира, которому когда-то принадлежала. Это в прошлом, и тебе нужно осознать, что теперь это и есть твоя судьба. – Женщина видела, как тяжело девушке было принять этот факт. Побег – это хорошо, пока тебя не поймают и жестоко не накажут. – Всё, что тебе нужно было сделать, – это без раздумий послушаться стражника, чтобы спасти себя.

Пенни потребовалось несколько секунд, чтобы до неё дошло, что женщина на самом деле имела в виду. Она покачала головой. – Я спасла себя, – прошептала она последние два

слова.

Её сокамерница с любопытством вскинула бровь. – А что тогда с хромотой?

Девушка улыбнулась, но выражение её лица тут же омрачилось. Она подняла правую ногу, на босой ступне которой женщина увидела размазанную кровь. – Я там на гвоздь наступила.

Проводя время в комнате заключения, Пенни бродила по маленькому помещению, чтобы убить время, пока не наступила на острый гвоздь, отчего взвизгнула и закричала от боли. Она надеялась найти что-то, чем можно было бы занять время, но желала совсем не этого. Ей потребовались часы, чтобы вытащить острый предмет.

Она плакала, плакала до тех пор, пока её глаза не опухли и не покраснели, будто её в них ужалили пчёлы. И хотя Пенни знала правду, другие рабы, видевшие, как девушка бунтовала, предположили, что её наказали, как и других, кто не знал своего места. В конце концов, с рабами нередко обращались подобным образом.

– Тебе повезло, что ты вырвалась из его лап.

– Смотрителя? – спросила Пенни.

– Да.

– Я хочу кое о чём спросить, – сказала девушка, глядя на женщину. – Ты когда-нибудь была в комнате заключения?

– Да.

– Почему там так ужасно пахнет? – продолжала она рас-

спрашивать, вспоминая жуткий запах, которым едва могла дышать. Это были не нечистоты, а что-то другое, ей неизвестное. Женщина не ответила сразу. Мимо их камеры прошёл стражник, таща за собой рабыню. На девушке была чистая одежда, в отличие от других рабов, а значит, она была новенькой. – Скольких сюда приводят за день?

– От пяти до шести. Иногда доходит до десяти, – женщина пропустила предыдущий вопрос и ответила на второй.

– И для них всех хватает места? – Судя по тому, что она видела, в каждой камере сидело по двое рабов, и она сомневалась, что по пути сюда видела хоть одну пустую камеру. Застрав в комнате заключения, она не имела возможности толком рассмотреть, как выглядело невольничье заведение. До сих пор она видела лишь малую его часть.

– Торги рабами проходят раз в неделю, и в покупателях никогда нет недостатка, когда дело доходит до их покупки. Рабов продают, как вещи на рынке. Точнее, на черном рынке, – объяснила женщина. – На место каждого проданного раба сюда приводят одного нового. А что до твоего предыдущего вопроса, вонь, которую ты чувствуешь, исходит от мёртвых тел, которые там иногда сваливают в кучу, прежде чем избавиться от них. – Пенни выглядела ошеломлённой.

Женщина, похоже, не шутила. – М-мёртвые тела?

– Невольничье заведение – сомнительное место. Ты думала, нас здесь просто держат, ничего не делая, чтобы поско-

рее продать? – Но именно так Пенни и думала. – Это трупы рабов, и очень редко – стражников. Рабы иногда кончают с собой, не в силах смириться с мыслью, что их заклеят и продадут другому человеку. А иногда их убивают.

– Почему?

Кейтлин пожала плечами. – Причин может быть множество, но я полагаю, это случается, когда раб оказывается особенно буйным, или когда здешние мужчины выпивают кровь до последней капли. Я не знаю. – Пенни не знала, что на это сказать. – Вот почему я сказала, что тебе просто повезло. Смотритель убил больше людей, чем ты можешь себе представить.

– И никто ничего не говорит?

– А что ты скажешь? И что важнее – кому? Это место было построено задолго до того, как в четырёх землях появились законы. Им управляет высшее общество, элита, как они себя называют, – женщина презрительно хмыкнула, закатив глаза. – Эти ночные существа и люди с деньгами заправляют этой дырой. Им нужны рабы для исполнения их прихотей, будь то для крови, секса или издевательств. Я слышала, как много лет назад один человек возвысил голос, надеясь, что совет что-то предпримет. На следующий день его нашли мёртвым в собственном доме. Таков мир, в котором мы живём. Если будешь кричать и пытаться привлечь внимание, могу гарантировать, что окажешься не здесь со мной, а где-нибудь в другом месте, крича, пока один из стражников... –

она не закончила фразу, отвернувшись и взглянув на небо в окне.

После услышанного невольничье заведение показалось куда более мрачным, чем раньше.

– И что, отсюда нет выхода?

– Следующий аукцион рабов состоится через шесть дней. Единственное, на что ты можешь надеяться, – это попасть к приличному хозяину или госпоже, которые будут о тебе заботиться. Это, Пенни, самый простой выход, если только ты не готова к пыткам в здешних подземельях.

Светловолосая девушка нахмурилась. – Могу я попросить тебя об одолжении?

– Смотря о каком.

– Ты пройдёшься со мной снаружи? – Если она планировала сбежать, ей нужно было узнать, что и где находится в заведении, прежде чем её продадут на черном рынке. Шесть дней. Хватит ли этого, чтобы спланировать побег? – спросила себя Пенни. Только время могло дать ей ответ. Либо она обретёт свободу, либо её поймают, и тогда её жизнь превратится в ад.

– Могу, – согласилась женщина, и Пенни была ей за это благодарна.

Обе женщины вышли из камеры под предлогом работы, и когда они спустились на первый этаж, Пенни поняла, что её план побега далёк от реальности. Невольничье заведение было построено внутри окружающих его высоких стен. Ни-

кто не смог бы взобраться на эти высокие и гладкие стены. А даже если бы кто-то и знал, как это сделать, была вероятность, что на полпути его заметят и схватят как минимум двое стражников. На каждом углу и по всему периметру стояла охрана.

– Не смотри на них, – предупредила женщина, и на этот раз Пенни охотно послушалась, не желая подвергаться очередному наказанию. – Идём, я покажу тебе кое-что ещё, – услышала она, как женщина сказала ей развернуться и пойти обратно.

Пенни шла с ней, пока не услышала череду криков, доносящихся справа, из места, похожего на пещеру. – Что это? – спросила она сопровождавшую её женщину.

– Просто идём дальше. – Пенни не могла отвести взгляд, но, наконец, оторвав его от пещеры, услышала, как женщина сказала: – Каждого раба в этом заведении клеймят, прямо как коров и лошадей, чтобы, найдя сбежавшего, было легко вернуть его туда, где ему место. Послушай моего совета и не пытайся сбежать.

– Ты просишь меня стать частью того, чем я быть не хочу, – нахмурилась Пенни.

– Импульсивная девчонка, никто не хочет быть частью этого. Я говорю это для твоего же блага, – женщина кокетливо улыбнулась стражнику, который стоял рядом с ухмылкой.

– Ты дружишь со стражниками?

– «Дружишь» – слишком громкое слово, я бы его не ис-

пользовала. Я даю им то, что им нужно, и получаю одолжения, которые нужны мне. – Пенни не стала спрашивать, что это за одолжения, – догадаться было нетрудно. – Если тебя поймают, Пенни, тебя заклеят, как и любого из них прямо сейчас.

Пенни остановила женщину, заставив их обеих замереть. – А кто сказал, что меня не заклеят, если я не попытаюсь сбежать?

– Рабов обычно клеймят в первый или второй день их прибытия в невольничье заведение. К твоему счастью, до тебя ещё не добрались. Если тебя поймают, тебе не просто выжгут клеймо на коже – тебя ждёт нечто похуже комнаты заключения. Но если ты сможешь попасть в список рабов, которых выставят на продажу, то сможешь сбежать, оказавшись снаружи. Там тебя ловить будет некому. – Вот это заставило Пенни наострить уши.

6 Помощь

Она шла по узкому и длинному коридору в здании для рабов. Слева от неё тянулись высокие стены, а справа – камеры. Некоторые были открыты, другие же – закрыты, и в них сидели рабы.

Шёл пятый день пребывания Пенни в невольничьем заведении. Она провела два дня в комнате заключения, что уберегло её от клейма, которое ставили другим рабам. Она прислушалась к совету своей сокамерницы, но по-настоящему её встревожил вид крови, проступавшей сквозь платья, которые носили рабы. Крики и плач не умолкали ни ночью, ни утром, ни в полдень. Нарваться на неприятности со стражниками заведения было несложно, но и избежать их было нетрудно, если знать, как оказать им сексуальную услугу.

Её беспокоило клеймо, ведь каждый раб в этом заведении носил его на теле. Но метки ставили не всегда на видных местах, что облегчало ей задачу скрыть его отсутствие, когда всех рабов отправляли в баню.

Пенни, прежде противившаяся тому, чтобы раздеваться вместе с остальными, теперь покорно подчинялась приказам стражников без единого слова или намёка на протест. Не то чтобы ей было приятно обнажаться, а взгляды других рабов, особенно мужчин, вызывали сильный дискомфорт. Меньше всего ей хотелось получить клеймо на кожу, которое обрекло

бы её на пожизненное заключение здесь. Последовав совету Кейтлин, она начала вынашивать план, как внести своё имя в список рабов, которых продадут через два дня.

Она стояла под струями горячей воды, отчего всё банное помещение наполнилось паром, чему она была только рада. Быстро ополоснувшись, она взяла одежду, предназначенную для рабов. Одевшись, она вместе с остальными направилась к выходу, когда мимо прошёл другой раб. Это был мужчина, он, проходя мимо, толкнул её в плечо, даже не подумав извиниться, но, отойдя на несколько шагов, обернулся, посмотрел на неё и одарил невежливой ухмылкой.

Проигнорировав мужчину, она решила идти вместе с другими рабами. Стоило отметить ещё одну особенность этого заведения: помимо Смотрителя и стражников, его охранявших, существовала иерархия и среди самих рабов. Группировки, которые часто задирали новичков. Пенни хватило благоразумия понаблюдать за порядками и запомнить, что не стоит заходить в те части заведения, где не было стражи.

Хоть Кейтлин и подала ей идею побега, она не стала помогать Пенни воплотить её в жизнь.

Дойдя до дальнего конца коридора, она отделилась от остальных, незаметно выскользнув из поля зрения стражника, дежурившего в том углу. Выглянув из-за стены, она увидела комнату, у входа в которую стоял ещё один стражник. Это была комната, где регистрировали данные каждого, кто попадал сюда в рабство.

«Как же мне попасть внутрь, если у комнаты стоит стражник?» – спросила себя Пенни. Кусая губы, она продолжала смотреть, пока не заметила другого стражника, идущего в её сторону. Быстро развернувшись, она бросилась назад, чтобы присоединиться к остальным рабам, всё ещё выходившим из бани.

Вернувшись в свою камеру, она села и, подперев лицо руками и уперев локти в колени, прошептала сокамернице: «Там стражник». Та была занята тем, что откусывала секущиеся кончики своих рыжих волос, перебирая одну прядь за другой.

– Стражники повсюду. – Пенни, видя безразличие женщины, вздохнула. – Разве ты сама никогда не пыталась сбежать? – с любопытством спросила девушка свою сокамерницу. До сих пор та ничего о себе не рассказывала. – Когда ты сюда попала?

– Несколько лет назад, – ответила женщина. По её тону Пенни поняла, что та не желает углубляться в подробности своей жизни. Затем женщина подняла глаза на Пенни, которая не сводила с неё взгляда. – Невольничьим заведением правят железной рукой. Попасть сюда легко, а вот выбраться – нет. То, что люди здесь видят и переживают, оставляет шрамы на всю жизнь. Ты ещё и малой толики этого не видела.

– Хочешь, чтобы я это испытала, – пробормотала Пенни.

– Я этого не говорила, – женщина снова принялась отку-

сывать зубами кончики своих волос.

– Помоги мне, пожалуйста. Стражник не пустит меня в ту комнату.

– Ещё бы он пустил. Думаешь, он расшаркается перед тобой, какой-то рабыней, и просто так впустит? – её сокамерница закатила глаза. – Я не сумасшедшая, чтобы тебе помогать. Если тебя поймают, не только ты, но и я очень серьёзно влипну. – Пенни закрыла лицо руками. – И не начинай выть. Не хочу, чтобы ты тут ревела. Я спать.

Пенни зарыдала, уткнувшись в ладони, её плечи затряслись, и сдавленные всхлипывания наполнили камеру. Поначалу женщина не обращала на девушку внимания. За то долгое время, что она провела в невольничьем заведении, она насмотрелась на приходящих и уходящих рабов. Они плакали и кричали, отчего она почти оглохла. С нарочито безразличным видом она легла на пол и закрыла глаза, уверенная, что девушка скоро перестанет плакать.

Едва женщина начала проваливаться в сон, как услышала: – А-а-а-а!!! – Её глаза тут же распахнулись. Не то чтобы она не слышала здесь плача, но все её прежние сокамерницы плакали тихо, беззвучно. К тому же крики обычно доносились издалека и не мешали спать так, как сейчас. Она мысленно прокляла девчонку.

– Прекрати реветь! Думаешь, слёзы здесь чем-то помогут? Ладно, я помогу тебе, – женщина потёрла виски.

Пенни, сидевшая, прижав колени к груди и пряча в них

лицо, всхлипнула. — Правда? — донёлся приглушённый голос.

— Да, конечно. Можешь на меня положиться, — без особого энтузиазма ответила женщина. Когда девушка подняла голову, на её глазах не было ни единой слезинки, а лицо выглядело совершенно обычным. Женщина сощурилась. — Ах ты, актриска...

Пенни ухмыльнулась, опёрлась рукой о пол, чтобы встать, и сказала: — Тогда пойдём сейчас.

— Ты меня обманула, — процедила женщина, когда они вышли из камеры.

— Прошу прощения за это. Я подумала, будет весело, — Пенни прикрыла улыбку рукой. — Мне правда нужна была твоя помощь, без тебя я бы не справилась. Я в отчаянии.

— Все мы рано или поздно впадаем в отчаяние. Впечатляет. Где ты этому научилась?

— Я играла в местном театре. Актриса второго плана. — Женщина кивнула. Пенни была из бедной семьи, отец их бросил. Чтобы заработать немного денег для себя и матери, она устроилась в театр, но ей всегда доставались лишь небольшие роли, ведь у владельца театра был роман с главной актрисой. — Ты так много знаешь о невольничьем заведении, почему ты никогда не пыталась сбежать? — прошептала Пенни как можно тише, пока они шли по коридору, опустив головы и не поднимая взгляда. Это было одно из правил невольничьего заведения: раб должен был всё время держать голову опущенной.

– Мне повезло меньше, чем тебе. Не успела я и оглянуться, как меня клеймили, – сказала Кейтлин и, внезапно оставившись, оттащила Пенни в сторону, в небольшой простенок. – Тихо. Здесь Смотритель. – Если бы Смотритель и стражники рядом с ним не шли так быстро, она была уверена, их бы заметили зажатými между двух стен. Как только начальство заведения прошло, женщина осторожно выглянула и лишь затем вышла вместе с девушкой.

– Как часто он делает обход? – спросила Пенни, увидев, что мужчин уже и след простыл.

– Дважды в день. Смотритель – проницательный и хитрый человек. Как я уже говорила, старайся не попадаться ему на глаза, насколько это возможно. Ты уже послушалась его, так что теперь ты у него на заметке. Этот человек наслаждается пытками девушек, и я не имею в виду сексуальное насилие. Есть и другие способы пытать рабов, гораздо хуже. Они ломают скорее морально, чем физически. Они сокрушают твою душу так, как ты и представить себе не можешь, – голос женщины был тихим. – Быстрее, – сказала она, и они быстро пошли, сворачивая из коридора в коридор, пока не добрались до места, где стражник охранял ту самую комнату. – Если нас поймают, нам крышка. Я отвлеку этого парня и постараюсь выиграть для тебя время, чтобы ты смогла пробраться внутрь и вписать своё имя.

– А твоё имя? – Пенни не понимала, почему женщина не попросила вписать и её. Судя по ухмылке женщины, Пен-

ни подумала, что её сокамерница и не планировала покидать невольничье заведение.

– Пока что твоего имени будет достаточно. По сравнению с тобой я здесь уже старуха. Невольничье заведение предпочитает продавать молодых рабов за хорошую цену, – сказав это, она спустила рукав с плеча, и Кейтлин, выйдя из-за стены, соблазнительной походкой направилась к стражнику, стоявшему у комнаты.

Пенни оглянулась, чтобы убедиться, что за спиной никого нет, ведь это было одно из тех мест, где рабы не ходили, а точнее, им было запрещено здесь находиться. Рыжеволосая женщина посмотрела на мужчину. – Не устал стоять? – Девушка видела, что, хотя женщина и назвала себя старой, она была весьма хорошенькой для своих лет, что и отметил стражник. Его взгляд то и дело скользил по её плечу.

– Тебе здесь нечего делать. Возвращайся в казармы для рабов, – грубо сказал стражник, сдерживая подступившую похоть.

Оттуда, где она стояла, Пенни видела, как её сокамерница грустно улыбнулась. – Не будь так суров со мной, – сказала она, обходя его, чтобы прислониться к холодной стене с другой стороны. – Мне стало одиноко и... – она замолчала, бросив на мужчину взгляд, будто он мог защитить её от жестокого мира. «Похоже, не я одна хорошая актриса», – подумала Пенни.

Стражник повернулся к ней и к двери спиной, увлѣкшись

рабыней, и Пенни подумала, не это ли её сигнал действовать. Она уже приготовилась, глубоко вдохнув, как вдруг услышала чьи-то шаги из другого коридора, что заставило её рвануть вперёд. Очень осторожно она вошла в комнату и увидела стопки пергаментов, разложенные повсюду.

Она как можно быстрее пробежалась по ним глазами, бесшумно ступая к столу. У неё не было возможности получить образование, но она научилась писать самые простые вещи: своё имя, имя матери и некоторые распространённые слова.

Она пыталась прочесть и понять, что написано в пергаментах, чтобы знать, куда вписать своё имя. Разобрав несколько слов на одном из свитков, она схватила перо и добавила своё имя в конец списка.

Закончив, она решила покинуть комнату так же осторожно, как и вошла. Пенни не стала ждать Кейтлин, а вместо этого прошла два коридора и там остановилась, дожидаясь женщину, которая, когда она уходила, всё ещё увлекала стражника разговором. Наконец, когда та догнала её, они обе направились напрямик в свою камеру, будто ничего предосудительного не совершали.

Когда наконец настал тот день, как и ожидалось, один из стражников пришёл за Пенни, которая, несмотря на тревогу, сохраняла угрюмое выражение лица. Её сокамерница никак не отреагировала и не проронила ни слова, когда та уходила.

– Следуй за мной, – грубо бросил мужчина, не удосужившись дожидаться ответа от девушки.

Он отвёл её вниз по лестнице и связал ей руки верёвкой. Спустившись на первый этаж, он подвёл её к повозке, которая была больше любой кареты, что ей доводилось видеть на рынке в своём городе. Она была тёмная, почти чёрная. Деревянное основание и верх, похожий на шатёр. Внутри она увидела других рабов, которые не выглядели счастливыми – они были напуганы, а некоторые плакали. Среди рабов были в основном молодые девушки, один юноша и женщина, которой на вид было лет сорок. Она заметила одну вещь: за всё время, проведённое в заведении, она ни разу не видела мужчин старше тридцати.

Похоже, заведение считало их бесполезными, и это заставило её задуматься: что же случилось с теми, кто старел настолько, что их уже нельзя было продать на рынке?

Пенни грубо толкнули вперёд. – Что ты тут стоишь! Залезай к остальным! – стражник снова толкнул её, пока она не забралась внутрь и не села рядом с другими рабами.

Повозка, хоть и была больше обычной, всё равно была переполнена. Путь был долгим, и когда говорится «долгим», это не час или два, а все четыре часа. Повозка нигде не останавливалась, а когда наконец встала, они уже были в той части города, где располагался чёрный рынок. Чёрный рынок был местом, где можно было найти то, что не продавалось в открытую.

Пенни и другие рабы ничего не видели, так как при выезде из невольничьего заведения им завязали глаза. Стражни-

ки не церемонились с рабами. Каждого либо тащили, либо волокли, а затем толкали в угол.

Она услышала, как рядом всхлипнула девушка. ШЛЁП! Остальные рабы, которые до этого плакали, тут же замолчали, когда рабыне рядом с ней влепили пощёчину.

– Ещё один звук, и я заставлю каждого из вас молить о пощаде, – по голосу Пенни поняла, что это был тот же мужчина, который затолкал её в повозку. – Фрэнк!

– Погляди на этих рабов. Выглядят лучше, чем прошлая партия. Особенно эта, – это был другой подошедший мужчина. Пенни, которая до этого лишь слушала их разговор, почувствовала, как чья-то рука прошлась по её лицу. Отвратительное прикосновение заставило её кожу покрыться мурашками. – Эта выглядит свеженькой. Так и хочется оставить её себе, – пробормотал мужчина, продолжая водить рукой по её щекам, подбородку, а затем и по губам, как вдруг... – АРГХ!

Пенни укусила палец мужчины.

7 Начало аукциона

Когда палец мужчины оказался слишком близко к её рту, Пенни укусила его так сильно, что тот взвыл от боли. Она не планировала кусаться, но его прикосновение было настолько омерзительным, что вызвало у неё такую реакцию.

Мужчина свирепо посмотрел на рабыню и со всей силы влепил ей пощёчину. Пенни почувствовала, как щека вспыхнула, а кожа заняла тупой болью. Мужчина, которого она укусила, хотел ударить её снова, но стражник удержал его руку.

– Ещё одна, и испортишь товар, – сказал стражник, глядя сверху вниз на девушку, у которой хватило наглости укусить его. Казалось, эту недостаточно дисциплинировали, но чего он не знал, так это того, что девушку привезли в невольничье заведение меньше недели назад. Новых рабов обычно не выставляли на рынок сразу, если только кто-то специально не приходил, чтобы купить раба напрямую из самого заведения.

– Эта мелкая сучка...

– Придержи руки. Иди проверь сцену и объяви о прибытии новых рабов. Собери побольше толпу. Нам нужно начинать представление, – приказал стражник мужчине по имени Фрэнк. Стоя на месте, Пенни чувствовала жгучую боль в щеке и уголке губ. Когда её язык коснулся уголка губ, она по-

чувствовала металлический привкус крови. В тот же миг она почувствовала, как её оттащили на несколько шагов от того места, где она стояла. Она вздрогнула, когда её головой приложили о стену. – Ты хоть знаешь, насколько важен этот человек? Именно он будет расписывать вас, рабов, элите, которая пришла сюда за покупками, – стражник продолжал вдавливать её голову в стену, пока она пыталась вырваться. – Не забывай, что ты – рабыня. Позволь мне показать тебе, что бывает с рабами, которые плохо себя ведут и не слушаются, – сказав это, он отпустил её голову.

С каждого раба сорвали повязку. Хотя погода в Бонлейке была, как обычно, пасмурной, а не солнечной, свет, ударивший в глаза после многих часов темноты, заставил её, как и остальных, зажмуриться. Пенни огляделась, чтобы понять, куда её привели. С самого их прибытия здешний запах был не просто неприятным, а каким-то странным и вызывающим дискомфорт. Она заметила, что они находятся в шатре, но в этом было светлее, чем в том, что был на повозке. Когда ветер колыхнул полог, позволяя заглянуть наружу, она увидела снующих туда-сюда людей, не задерживающихся на одном месте.

– А ну-ка. В ряд! Давайте покажем, что бывает, когда вы не слушаетесь, – сказал стражник, вытаскивая ближайшую к нему девушку. Выталкивая её вперёд на помост, она услышала голос мужчины, который ударил её после того, как она его укусила.

Рабы видели сцену, устроенную для их продажи, с которой всем, у кого были деньги, был хороший обзор того, кого и что продавали. Сгорая от любопытства, что имел в виду стражник, она посмотрела на рабыню, которую заставили выйти на сцену со связанными за спиной руками.

– Добрый день, дамы и господа. Сегодня мы привезли товар получше, чем тот, что продавали на прошлой неделе. Рабов, которых вы захотите заполучить и использовать. Обещаю, вы не разочаруетесь. Вот беглый взгляд на то, что у нас есть сегодня, – громко, на всю округу, произнёс мужчина на сцене. Когда он заговорил, послышался шум толпы. – Это наша первая рабыня. Её зовут Ханна. Как видите, это молодая девушка с чёрными волосами и бледной кожей, – мужчина коснулся лица девушки, но на этом не остановился. – Её кожа соблазнительная и нежная, как шёлк. Чтобы вы могли взглянуть, мои дорогие...

Пенни услышала резкий треск рвущейся ткани на одежде девушки, отчего та начала беззвучно плакать. Она с трудом верила в то, что видит. Они унижали женщину, обращаясь с ней без всякого уважения, сорвали с неё платье и спустили его вниз, обнажив верхнюю часть её тела на обозрение толпы. То, что только что произошло, было куда хуже пощёчины, которую она получила ранее. Её глаза расширились, и она сглотнула.

С той стороны, где она сейчас стояла с напуганной группой рабов, послышались улюлюканье и свист. Как бы храбро

Пенни ни старалась держаться с тех пор, как попала в невольничье заведение, у неё не хватило смелости пройти через то, что только что произошло на её глазах. Но это не мешало её мыслям желать разmozжить голову мужчине, пока тот продолжал говорить.

– Разве она не прекрасна? А теперь давайте посмотрим, во сколько вы оцените её. Торги начинаются с тридцати золотых монет! – выкрикнул мужчина.

Тридцать золотых монет?

Пенни не была уверена, что её больше сбило с толку: названное мужчиной количество золотых монет или то, что он решил оценить жизнь девушки в тридцать монет. Человека нельзя оценивать в золотых монетах, а тридцать – это просто ничто.

В то же время тридцать золотых монет не были маленькой суммой. Её собственная семья едва могла наскрести три серебряные монеты, что уж говорить о том, как трудно было собрать одну золотую монету. Это заставило её задуматься: если её действительно продали родственники, то за какую цену они отдали её в невольничье заведение?

Но чего она не знала, так это того, что это была лишь минимальная ставка, которая должна была вырасти до большой суммы.

Девушка на сцене дрожала от холода, что было хорошо видно сзади. Ей было жаль девушку, и она хотела бы что-то сделать, но сейчас была бессильна. Это была не её вина, что

девушку публично унижали. Она не хотела из-за себя создавать здесь кому-либо проблемы. Не говоря уже о том, что если бы стражник догадался, что она попала в заведение всего неделю назад, был шанс, что её заберут обратно, чего она не хотела. И кто знает, какое наказание её ждало. Будучи здесь нарушительницей спокойствия, она беспокоилась о том, что мужчина на сцене сделает с ней.

– Пятьдесят золотых монет!

– Кто-нибудь готов купить её дороже? – спросил аукционист со сцены, ожидая ответа от толпы.

– Восемьдесят золотых монет!

– Девяносто золотых монет! – если бы Пенни не находилась в своём нынешнем положении, её брови поползли бы на лоб, но по мере роста суммы учащалось и её сердцебиение. Стало очевидно, что снаружи собрались люди из высшего общества, готовые швыряться деньгами, чтобы купить себе раба или даже нескольких.

– Есть ещё желающие купить девушку? – спросил аукционист. – Девяносто золотых монет – раз, девяносто золотых монет – два, и ТРИ! Продано господину в сером костюме. Пожалуйста, не забудьте забрать свою рабыню за сценой, – Фрэнк увёл девушку обратно внутрь, так и не поправив её одежду. Девушка выглядела травмированной, её лицо было пустым, словно в шоке, отчего Пенни почувствовала себя виноватой. Но, судя по поведению толпы и здешних мужчин, казалось, что раздевать раба перед покупателями, чтобы те

убедились в его ценности, было в порядке вещей.

Когда с другой стороны появился покупатель, она мельком увидела невысокого старика с редкими волосами на голове. Он курил трубку, его кожа была морщинистой, но взгляд, устремлённый на купленную им рабыню, – острым. После завершения сделки девушку увели.

Пенни думала о побеге, как только доберётся до рынка или после того, как её кто-нибудь купит. Но это не означало, что она была готова пройти через то унижение, которое испытывали все остальные. Внезапно она услышала крик со сцены.

Следующую рабыню вывели без промедления. Аукционист дёрнул её за волосы, чтобы она закричала громче. – Какой у неё прекрасный голос. Говорят, она поёт как ангел. Возраст – пятнадцать. Не тронута и чиста. Разве вы не хотели бы заполучить её?..

Мужчина на сцене не успел закончить фразу, как кто-то в толпе крикнул: – Сто двадцать золотых монет.

– Прекрасное число для начала, – мужчина потёр руки, но тут же поморщился из-за повреждённого пальца. – Кто-нибудь хочет поднять цену и забрать эту девочку домой?

Торги шли медленно, количество золотых монет росло шаг за шагом. В итоге девушку продали за четыреста золотых монет. Пенни задалась вопросом, как люди зарабатывают такие деньги? Ей бы потребовалось десять жизней, чтобы собрать такое количество золотых монет, а здесь люди раз-

брасывались ими, чтобы купить их.

Наконец, когда настала её очередь, Пенни выволокли и вытолкали на сцену. Ступив на неё, она почувствовала, как её сердце ухнуло вниз, словно к нему привязали камень и бросили в глубокое море. Количество людей, столпившихся у сцены, пугало. Там были жадные, похотливые мужчины, ожидавшие появления следующей рабыни. Некоторые были местными жителями, пришедшими просто поглазеть на представление и насладиться им. Некоторые держались с достоинством, но это не скрывало взгляда, который был у каждого из них.

Хоть и не было жарко, она чувствовала, как по затылку и спине стекают капельки пота. Сейчас было не время для размышлений, но она подумала, что если бы овощи были живыми, то чувствовали бы себя именно так, когда над ними нависают покупатели, готовые наброситься.

8 Продано: Часть 1

Долина Айл была землей, где по улицам прогуливалась элита и высшее общество, покупая дорогую одежду, обувь или любой другой причудливый предмет, который только можно вообразить, и в то же время местом, которое средний и низший классы не могли себе позволить.

Будучи частью земель Востока, она была одной из достопримечательностей, но не только потому, что здесь продавались товары высокого класса. В нескольких улицах и переулках, рядом с долиной Айл, находился черный рынок. Номинально это был черный рынок, где можно было найти вещи, которые нечасто продавались в открытую. От нечестивых материалов, присланных черными ведьмами, до крови младенцев или детей, но до сих пор правящий закон совета ничего не сделал для его искоренения. Одна из причин заключалась в том, что вовлеченные сюда мужчины и женщины были коварно умны.

В прошлом совет пытался его ликвидировать, но проблема была в том, что сколько бы раз ни посылали людей для их поимки, большинство из них либо сбегали, либо обманывали преследователей, что оказывалось безнадежным. Не стоит забывать, что были и те, кто зависел от товаров с черного рынка, которые нельзя было найти где-либо еще. Однажды они почти закрыли и запретили черный рынок, но на них

надавила элита, требовавшая его дальнейшей работы. После множества петиций и совещаний совет пришел к выводу, что будет лишь пристально следить за ним. Каждый мог торговать в свое удовольствие, но если его ловили, это был прямой путь в тюрьму совета.

Мужчина шел сквозь толпу, собравшуюся в центре черного рынка. Его волосы были чернильно-черными, а глаза – темнее любого красного, почти черные, из-за чего его можно было ошибочно принять за человека, если бы не царящее вокруг освещение. Он был высоким, с широкими плечами, его взгляд блуждал по небольшому периметру, глядя на людей свысока не потому, что они были ниже ростом, а потому, что они были ниже его по положению.

В зубах он держал небольшую палочку, поигрывая ей в уголке рта, и пробормотал: «Чернь».

«Сэр Дэмиен», – худощавый мужчина с каштановыми волосами и глазами подошел и встал позади него. Он изо всех сил пытался не отставать от мужчины в плаще. – «Мы здесь будем покупать транквилизатор? Я думал, это в другой стороне».

Мужчина по имени Дэмиен не ответил, вместо этого он лениво посмотрел на лавку, устроенную в углу. «Наша лавка здесь, Крем. Поговори с женщиной в красном», – приказал он худощавому мужчине, который от удивления расширил глаза.

«Это она продает?»

Дэмиен, наблюдавший за толпой и аукционистом, который продавал молодую девушку под ее же крики, повернулся к невысокому мужчине: «Почему бы тебе не пойти и не выяснить все самому, вместо того чтобы тратить здесь мое время?» Крем кивнул и поспешил к лавке. Засунув руки в карманы брюк, Дэмиен последовал за ним. Надоедливые люди не знали, что и когда говорить. Вдобавок ко всем его заботам, совет дал ему в напарники человека. Удивительно, как он вообще сдал прошлогодний экзамен, чтобы попасть в совет.

На помосте сидела женщина. В ее зеленых глазах плясали смешинки, когда Крем попытался заговорить с ней: «Мисс, вы случайно не продаете транквилизаторы?» – вежливо спросил человек, но сидевшая перед ним женщина не ответила. Подумав, что она могла не понять этого слова, он начал объяснять: «Это жидкость синего цвета. Вроде...»

Дэмиен оттолкнул человека в сторону. «Сколько у тебя транквилизаторов?»

«Один. Вы опоздали с покупкой», – женщина подалась вперед, отреагировав на вид чистокровного вампира. Человек моргнул, глядя на женщину, которая не удостоила его ответом, но охотно заговорила с его старшим.

«Кому ты его продала?»

«Я не знаю», – кокетливо улыбнулась она. – «Я не спрашиваю имен. Мне нужны только деньги, но для вас я могу попытаться напрячь память». Крем теперь был уверен, что

женщина заигрывает с его старшим, и забеспокоился, к чему это приведет. Не потому, что он волновался, что их отвлекут от дела, а потому что...

Дэмиен вытащил из-за спины серебряный пистолет, снял его с предохранителя и приставил к голове женщины. Лавка была устроена между стен и скрыта так, что ее было нелегко заметить. «Так что ты там говорила?»

Улыбка женщины дрогнула. «Вам бы поучиться у этого человека. Такое красивое лицо, и такой грубиян», – прокомментировала она.

«Забавно слышать это от тебя, ведь ты проигнорировала его слова, но прислушалась к грубияну», – улыбнулся Дэмиен, убирая пистолет от ее головы, словно он просто шутил, но женщина каким-то образом поняла, что это была не пустая угроза. «А теперь будь пайнкой и скажи нам, кому ты его продала?»

«Это был мужчина с бородой, небольшой, только по линии челюсти. У него были разноцветные глаза. Красный и черный. Низкий голос, волосы зачесаны назад. Черные. Это все, что я помню», – ответила она, пока Дэмиен пытался сопоставить ее описание с кем-то из своих знакомых. Странно, подумал он. Он не мог вспомнить никого с разноцветными глазами, так как это была редкость.

«Насколько темными были его глаза?» – спросил Дэмиен. «Красный был темным», – с опаской ответила она. – «Вы не хотите купить транквилизатор?» – спросила она, когда

чистокровный вампир повернулся к ней спиной. Даже Крем был в недоумении, почему они его не купили, разве не за этим они пришли на черный рынок?

Но мужчину ничуть не интересовал дальнейший разговор с ней, и он пошел прочь, а за ним последовал худощавый мужчина.

9 Продано: Часть 2

Стоя перед людьми, словно выставочный экспонат, Пенни от нервозности медленно ощущала, как страх пробирает её до костей. Хотя погода была прохладной, и небо затянули тёмные тучи, готовые вот-вот разразиться громом, она чувствовала, как с каждой проходящей секундой на её коже проступает испарина.

Её глаза не смели поднять взгляд, ведь эти взгляды никогда не были ни приличными, ни сочувствующими. Напротив, большинство из них ухмылялись, глядя на неё снизу вверх.

После того, как она укусила аукциониста за палец, когда тот дотронулся до неё, она боялась того, что он собирался сделать. Рабыням, которые не делали ничего, рвали волосы, срывали платья и одежду на глазах у покупателей, чтобы соблазнить их купить рабынь из невольничьего заведения.

– Это Пенни, молода и свежа, как видите. Она... – аукционист сделал паузу, читая информацию о ней, которую ему передал стражник. Сведения о каждой рабыне записывались, и эти детали использовались во время продажи, чтобы предоставить верные данные. Аукционист не стал говорить вслух и вместо этого пробормотал что-то себе под нос, читая пергамент, заполненный её же родственниками, которые и продали её.

Аукционист обернулся, чтобы посмотреть на стражника, а затем на рабыню, стоящую рядом с ним. Девушка, бесспорно, была хороша собой. Её женственные черты были лучше, чем у тех, что помоложе и постарше, которых привели сюда из невольничьего заведения. Но она поступила всего неделю назад, а они никогда не устраивали раннюю распродажу рабынь. – Прошу прощения, господа, мне нужно перекинуться парой слов. А пока наслаждайтесь зрелищем, – Фрэнк оскалится, показав свои грязные зубы, и вернулся к стражнику.

Пока аукционист, проводивший торги, ушёл, Пенни осталась стоять там, под сотнями устремлённых на неё глаз. Ей стало не по себе. Всё это время она пыталась быть храброй, но теперь испугалась и пожалела, что укусила мужчину за руку. Судя по его взгляду, она знала, что он разденет её перед всеми, но её ждало и нечто худшее. Она знала, что время её прибытия в невольничье заведение было записано. Откуда ей было это знать? Не то чтобы она была там частым гостем. Это ставило её в положение, когда стражник мог забрать её обратно лишь из-за того, что она была новой рабыней.

За сценой, где стояли ещё две рабыни, стражник и аукционист говорили торопливым тоном:

– Ты уверен, что мы можем её продать? Разве не говорили, что новых рабынь не продают, пока их не обучат? Девчонка явно не укрощена, – сказал аукционист.

Стражник, забравший пергамент у аукциониста, заглянул в него, словно умел читать, хотя на самом деле это было не

так. Не всем посчастливилось научиться читать и писать, из-за чего многие оставались необразованными. Это была привилегия элиты и некоторых редких мужчин и женщин, причём женщины из низших слоёв общества были ещё большей редкостью. Глядя на нацарапанные слова, он сказал: – Её имя было внесено туда. Мы лишь следуем правилам и приказам. Смотритель лично отбирает и отправляет рабов на торги. Он не добавил бы её имя, если бы она не была готова.

– Ты уверен? – спросил аукционист, не желавший влипнуть в ненужные неприятности из-за чьей-то ошибки.

– Ага. Продай её по дешёвке. Нам не нужны никакие возвраты, – предложил стражник, возвращая пергамент аукционисту.

Когда аукционист вернулся на сцену, он сказал: – Я вижу, некоторые из вас уже положили глаз на это прекрасное создание, стоящее здесь. Разве вы не хотели бы забрать её домой? Посмотрите на её волосы, – произнёс мужчина достаточно громко, чтобы привлечь всеобщее внимание. Когда он дотронулся до её волос, Пенни не отреагировала. На этот раз она была послушна. – Такие гладкие. Представьте, как она в вашей постели обвивает ногами вашу талию, пока вы входите в неё, – она по-прежнему не реагировала, но внутри вся съёжилась.

После всех грубых фантазий, которые он изрекал по поводу предыдущих рабынь, она думала, что сможет пропустить это мимо ушей, но не смогла. У этого мужчины не было ни

стыда, ни совести, как и у окружавших их людей, которые подались вперёд, чтобы услышать больше.

Его рука всё ещё касалась её волос, а затем он грубо дёрнул за них, заставив её поморщиться. – В ваших объятиях она будет стонать так же прелестно. Она нетронута и не покусана, – и это вызвало перешёптывания в толпе. – Вы можете первыми вкусить эту девственницу.

Заметив восторженный шёпот перед собой, Пенни, чьё лицо теперь было обращено к потемневшему небу, догадалась, что девственницы ценились выше, как и в случае со спросом на замужество.

– Пятьдесят золотых монет! – крикнул мужчина из толпы.

– Вы только посмотрите! У нас есть первый покупатель, – с ликованием прокомментировал Фрэнк.

– Сто золотых монет! – крикнул другой мужчина. Время торгов ещё не было объявлено, но уже нашлись желающие её купить. Фрэнк отпустил её волосы. Он шагнул вперёд, к толпе, в то время как цифры начали взлетать одна за другой.

– Двести золотых монет! – один мужчина резко поднял ставку. Девушка выглядела испуганной, её сердцебиение учащалось с каждой растущей цифрой. Она увидела мужчину, который только что сделал ставку. Это был мужчина в сером костюме, с красными глазами, что означало, что он вампир. Рядом с ним стоял другой мужчина с зонтом над головой, хотя не было ни дождя, ни солнца. У него было такое выражение лица, что ей стало не по себе. В его лице таилось

нечто, что мог заметить каждый, но что это было, оставалось неясным.

Но на этом цифры не остановились. Цена на неё в золоте продолжала расти, и за это время она увидела тех, кто хотел её «купить». Среди них были не только мужчины, но и женщина, и, судя по её наряду и стати, она тоже была вампиром. Она оценила её в восемьсот золотых монет, но мужчина в сером костюме поднял свою ставку до тысячи золотых монет.

Среди толпы, торговавшейся за неё, был ещё один мужчина, который выглядел приличнее остальных. Как и у многих, его глаза были красными, но у него была приятная внешность, он был высоким, с каштановыми волосами.

Сравнивая их всех, она мысленно молилась, чтобы, если кто-то и купит её, то это будет кареглазый мужчина. По крайней мере, он выглядел приличнее остальных, у которых был такой же похотливый взгляд.

Затем она услышала, как аукционист сказал:

– Посмотрим, насколько ещё она сможет вас соблазнить.

Когда глаза Пенни метнулись к нему, она нервно сглотнула. Она увидела, как он самодовольно смотрит на неё, зная, что означают его слова, и сказать, что ей не было страшно, было бы ложью. Ей хотелось плакать от этого позорного публичного зрелища, которого она никогда не могла себе представить.

Она чувствовала себя уязвимой и загнанной в угол. Пенни до сих пор никому не делала ничего плохого. Она была

вежлива и добра, обдумывала слова, прежде чем их произнести, чтобы никого не обидеть, если только кто-то сам этого не хотел. Может, она и краля иногда фрукт с дерева господина Барна, но это не означало, что Бог должен был наказывать её таким образом.

Аукционист подошёл к ней ближе, его рука потянулась к платью, которое едва прикрывало её женственные изгибы, когда кто-то сказал:

– Пять тысяч золотых монет.

Все взгляды были прикованы к аукционисту, его руке и девушке, стоявшей со связанными руками, и потому все резко обернулись, чтобы посмотреть, кто же предложил за простую рабыню пять тысяч золотых монет. Очень редко рабыня оценивалась выше двух тысяч золотых монет – такое случалось раз в год или два, но чтобы кто-то заплатил такую сумму, было и вовсе неслыханно.

Сама Пенни была потрясена, услышав о пяти тысячах золотых монет. Её глаза расширились от чувства, смешанного с шоком и паникой, при мысли о том, кто только что сделал на неё ставку. Она боялась, что это окажется кто-то странный.

Аукционист, стоявший рядом с Пенни, и сам не успел заметить, кто сделал столь высокую ставку, и счёл, что было бы грубо обидеть этого человека, переспросив, кто только что говорил. Его рука, застывшая в воздухе над её плечом, опустилась и легла вдоль тела.

По толпе пронёсся гул и шёпот, а затем один за другим люди стали оборачиваться на мужчину, который стоял в задних рядах толпы, засунув руки в карманы брюк.

10 Мастер Дэмиен – Часть 1

Пенни, до этого напуганная до смерти, посмотрела туда, куда устремились взгляды толпы – на мужчину, стоявшего в отдалении. Сначала он был лишь силуэтом, но когда двинулся вперёд, люди начали расступаться, освобождая ему дорогу.

Она видела, как он направился к сцене. С каждым шагом он приближался, и его черты становились всё отчётливее. Их взгляды встретились и больше не отрывались друг от друга. Она повидала немало красивых мужчин в своей деревне и в соседнем городе, но ни один не мог сравниться с этим незнакомцем. Когда он наконец подошёл ближе, она заметила его тёмно-красные глаза. Высокие скулы, тёмные брови и густые, прямые чёрные волосы, нарочито растрёпанной гривой спадавшие на лоб.

Пока они смотрели друг на друга, она разглядела в глубине его глаз нечто тёмное и опасное, что заставило её настояться. В уголке его рта подрагивала веточка, которую он перекачивал губами. Он перестал это делать, лишь когда подошёл к самой сцене.

– Мастер Дэмиен! – с нервными нотками в голосе поприветствовал его аукционист. – Покупаете эту рабыню?

Мужчина не отрывал взгляда от девушки, которая смотрела на него в ответ. Аукционист неверно истолковал это, ре-

шив, что господина оскорбляет прямой взгляд рабыни. Фрэнк резко надавил девушке на затылок, заставляя её склонить голову в знак уважения к элитному чистокровному вампиру.

Зрительный контакт прервался. Мужчина взглянул на Фрэнка. – Хм, золото доставят тебе в течение часа, – заявил мужчина по имени Дэмиен тоном, не терпящим возражений.

– Конечно! – поклонился Фрэнк, всё ещё придерживая голову девушки. Мужчина одним ловким, кошачьим прыжком вскочил на сцену и выпрямился.

– Руки убрал.

– А? – не понял тот, ослеплённый счастьем от продажи девушки за пять тысяч золотых монет. О таких деньгах подобные ему могли только мечтать.

– Убери руки от моей собственности. – Фрэнку не нужно было повторять дважды. Он тут же отдернул руку от головы рабыни.

– Можете забрать её за сценой, – ответил Фрэнк, отступив на шаг от девушки, пока мужчина сверлил его взглядом. По сравнению с Фрэнком, который был среднего роста, этот человек возвышался над ними.

Когда мерзкая рука мужчины наконец отпустила её, Пенни захотела взглянуть на того, кто её купил, но его снова обращённый на неё взгляд пугал её. Человек, который так грубо и бесцеремонно обращался со всеми рабами, теперь дрожал, как осиновый лист.

Насмотревшись на то, через что приходилось проходить рабам, Пенни не хотела рисковать и смотреть на него.

– Можешь оставить это в качестве залога, пока не забереёшь золото, – она увидела, как чистокровный вампир вытащил тихо звякнувший мешочек и протянул его Фрэнку.

– Что вы, мастер Дэмиен. Нам не нужен залог, – сказал Фрэнк, нервно хихикнув, чтобы показать, что он не сомневается в оплате.

Дэмиен ничего не ответил. Вместо этого он окинул взглядом стоявшую перед ним девушку. Он прикусил веточку, которую до этого перекачивал во рту. Ничего не говоря, он развернулся, прыгнул со сцены и направился за кулисы. За ним по пятам последовал мужчина пониже, который выглядел таким же потрясённым, как и все остальные свидетели произошедшего.

Фрэнк, откашлявшись, принялся продавать следующую рабыню: «У нас есть ещё одна молодая девушка, такая же красивая, как и предыдущая. Вы не разочаруетесь!» – прокричал он.

Пенни отвели обратно в шатёр, который с её уходом, казалось, стал ещё темнее. Последних рабов распродавали снаружи, и в шатре остались только стражник, пожилая женщина и она сама.

– Сэр Дэмиен, – произнёс Крем, догнав старшего советника.

Черный рынок был не тем местом, где стоило бродить без

дела, и если бы не человек, которому он служил, Крем никогда бы сюда не сунулся. Здешние обитатели были не теми, кем казались, и это были не только люди и вампиры. Здесь встречались белые ведьмы и черные ведьмы, и последнее, чего он хотел, – это чтобы какая-нибудь ведьма пустила его на зелье. В какой-то момент Крем заметил женщину, подзывавшую его жестами, но проигнорировал её, зная, что за народ здесь обитает.

Стоило ему на секунду отвлечься, как он потерял господина из виду, а тот уже объявил о покупке за пять тысяч золотых монет. Услышав это, Крем чуть не выронил глаза.

– Крем, подгони сюда карету, – приказал Дэмиен, отменяя их текущее дело, поскольку они уже получили информацию, за которой пришли.

– Вы поедете домой?

– Да. А теперь живо, – сказал Дэмиен, выплюнув веточку и входя в шатёр, чтобы увидеть только что купленную девушку.

«Та самая девушка», – подумал Дэмиен, подходя к ней. Он не ожидал увидеть её здесь, тем более в таком состоянии, но вот он здесь. Когда он впервые увидел её на аукционе, это застало его врасплох. Это была та же девушка, которую он видел неделю назад под дождём. На ней была грязная одежда, какую обычно носили рабы в невольничьем заведении. Её волосы, которые, казалось, давно не мыли, спутались и слиплись.

Пока он впивался в неё взглядом, он заметил, что она смотрит в пол, избегая его взгляда.

Пенни чувствовала, как взгляд мужчины прожигает её насквозь, и ей хотелось вжаться в стену от его напряжённости. Она не знала, что делать, и в панике гадала, что будет дальше. Когда женщина в камере рассказала ей о плане побега, Пенни думала, что всё будет просто – после продажи рядом не будет стражников, которые могли бы её схватить. Но теперь она забеспокоилась.

Мужчина, купивший её, не казался обычным человеком. – Господин Куинн, – стражник склонил голову в знак уважения. Он не пытался завязать разговор и просто стоял с опущенной головой рядом с последней рабыней, ожидавшей продажи.

Но мужчина демонстративно проигнорировал стражника и встал прямо перед Пенни.

Пенни, которая всё это время молчала и не поднимала глаз, увидела прямо перед собой пару кожаных ботинок. Медленно подняв голову, она встретилась с его взглядом. Его красные глаза, казалось, внимательно её изучали.

Её глаза расширились, когда он резко вскинул руку и схватил её за подбородок. – Порез выглядит свежим. Кто это сделал? – От его внезапной бесцеремонности она была слишком потрясена, чтобы ответить. Она дёрнула головой, пытаясь высвободить подбородок. – Говори.

– Тот мужчина, снаружи, – ответила она.

– Хм, – протянул он, словно принимая к сведению. Пенни не понимала, почему они всё ещё стоят здесь, ведь она слышала, что остаток золота передадут в особняке покупателя. Спустя некоторое время вернулся Фрэнк, ведя за собой только что проданную рабыню.

– Мастер Дэмиен, – снова поклонился Фрэнк, увидев мужчину. – Ищите сегодня ещё одну рабыню?

– У тебя есть что-нибудь острое, чтобы снять путы? – спросил Дэмиен, взглянув на её оковы. Фрэнк закивал.

– О, да. Где-то здесь должен быть нож, – сказал человек. Он отпустил рабыню, которую до этого крепко держал за руку, и пошёл за ножом. Вернувшись, он протянул небольшой нож чистокровному вампиру. – Вот, держите.

– Он достаточно острый? – спросил чистокровный вампир, поднеся нож к лицу, чтобы рассмотреть его.

– Да-да. Очень острый. Я заточил его вчера вечером, – подтвердил тот.

– Прелестно, – заметил Дэмиен, поворачивая нож в руке. Пенни и глазом моргнуть не успела, как рука Фрэнка оказалась пригвождена к стене тем самым ножом, который он только что отдал чистокровному вампиру. К счастью, его пригвоздили к стене, а не к столу, иначе лезвие прошло бы насквозь и вышло с тыльной стороны ладони.

Мужчина закричал от боли, чувствуя, как жжение расплывается по всей руке. – Мастер Дэмиен, прошу, простите меня!

Пенни нахмурилась. С тех пор, как с неё сняли повязку, она не видела, чтобы Фрэнк разговаривал с этим чистокровным вампиром. По крайней мере, до того, как её выставили на торги.

– Ты повредил драгоценную рабыню, которую я только что купил. Чем ты намерен платить за нанесённый ущерб? – Тут она поняла, почему он это сделал, и её сердце дрогнуло.

– Пожалуйста, простите меня, – взмолился он. Его крики были слышны в шатре, но снаружи их заглушал шум толпы, собравшейся на торги. Это был один из тех дней, когда люди по разным причинам наводняли черный рынок. Мужчина умолял освободить его руку, но чистокровный вампир был непреклонен.

Казалось, ему просто стало скучно, и он выбрал этого человека себе для развлечения. – Пожалуйста, позвольте мне всё исправить, – взмолился человек.

– Собираешься отправиться в прошлое? – с глубокой хрипотцой спросил чистокровный вампир у Фрэнка, чья рука уже начала кровоточить. – Он может, Фуллер? – Вопрос был адресован стражнику из невольничьего заведения, который не смел перечить чистокровному вампиру. Пенни увидела, как тот провернул нож, и съёжилась от крика Фрэнка. – Тебе жаль?

– Да, прошу, простите меня, – взмолился мужчина, и Дэмиен наконец выдернул нож из его руки.

– Хватает духу ударить рабыню, а вытерпеть такую же

боль, когда её причиняют тебе, не можешь? – Свидетелям этого, как и самому страдальцу, пришла в голову мысль, что пощёчина и удар ножом – это совершенно разные вещи. – Жалкое зрелище. Я забираю рабыню. Не забудь забрать в особняке три тысячи золотых монет.

Фрэнк ошарашенно уставился на него, разинув рот. Разве мастер не говорил, что покупает рабыню за пять тысяч золотых монет?

– Мы уходим, – объявил мужчина по имени Дэмиен, уже готовый уходить, но тут человек, руку которого он только что проткнул, в замешательстве посмотрел на него.

– М-мастер Дэмиен, вы сказали, что дадите пять тысяч золотых монет, – после удара ножом он не был уверен, выдержат ли его сердце и тело ещё один выпад. Он был наслышан о Дэмиене Куинне.

Он принадлежал к высшей элите общества, а его семья была одной из древнейших семей чистокровных вампиров, появившихся одними из первых. Хотя денег у него было столько, что его внукам не пришлось бы и пальцем шевелить ради пропитания, он работал на совет – но это было лишь о его работе и происхождении. Что же до его характера и поведения, то разные люди рассказывали о нём разное, но чаще всего сходились в одном: он был одним из самых жестоких чистокровных вампиров.

Немногие говорили об этом вслух, но существа, населявшие четыре земли империи – Валерию, Бонлейк, Митвельд

и Вовилль – всегда чётко делились на виды. Были те, кто не трогал других, и те, кто вечно лез не в своё дело. Но были и такие, кто был совершенно безумен, но оставался безнаказанным. Дэмиен Куинн принадлежал именно к этой категории.

Можно было назвать это удачей или результатом связей его семьи, но этот человек не упускал возможности заставить кого-нибудь страдать. Его неприязнь к людям не была секретом, но он свысока смотрел даже на вампиров и некоторых чистокровных вампиров. Его слова почти всегда были остры и язвительны, словно змеиное жало.

Дэмиен, уже собравшийся уходить с купленной рабыней, бросил на Фрэнка раздражённый взгляд: – Что?

– Я заберу золотые монеты вечером, – поправился Фрэнк.

11 Мастер Дэмиен. Часть 2

Карета неслась так, что Пенни пришлось крепко упереться босыми ногами в пол, чтобы не свалиться с сиденья. Расправившись с мужчиной и стражником, человек по имени Дэмиен Куинн отвёл её в карету, и теперь они направлялись в его особняк.

Он с ней не разговаривал, а она и сама лишилась дара речи после того, как увидела жестоко заколотого Фрэнка. Она никогда не видела подобного кровавого зрелища и того, как этот чистокровный вампир обращался с ним, будто тыкал в кусок мяса, проверяя, прожарился ли он. Разница была лишь в том, что это было не мясо, а рука человека. И хотя перед тем, как посадить её в карету, ей развязали руки, в присутствии сидевшего рядом мужчины она всё равно ощущала, будто их по-прежнему стягивают грубые верёвки, оставившие на коже следы.

Украдкой убедившись, что он не смотрит, она краем глаза взглянула на него и увидела, что он сидит, закинув ногу на ногу. Его лицо было обращено к окну, к проносившимся мимо холмам. Со своего места Пенни видела его тенеподобный силуэт и то, как он красив. Резко очерченная челюсть и скулы, хмурые брови, на которые спадали иссиня-чёрные пряди волос.

Прежде чем он успел поймать её на том, что она разгля-

дывает его, она быстро, но незаметно отвернулась, надеясь, что он её не заметит или, вернее, забудет о её существовании. Чего Пенни не знала, так это того, что мужчина более чем осознавал её присутствие в карете. Хотя его глаза смотрели в окно, когда девушка слегка отодвинулась от него, его взгляд переместился справа налево, чтобы наблюдать за ней.

Пенни старалась сидеть тихо, но у её желудка были другие планы. Он заурчал раз, другой, а потом и третий, после чего мужчина постучал в переднее окошко, привлекая внимание кучеров. В отличие от тех, у кого был всего один кучер, у этого мужчины впереди сидело двое.

– Остановите у «Маклэр», – тот, что не правил, кивнул, передавая полученный приказ другому кучеру.

– Когда ты в последний раз ела? – спросил чистокровный вампир, который не обращался к ней напрямую с тех пор, как поинтересовался, кто поранил ей губу.

Слегка опешив от внезапного вопроса, она повернула к нему лицо и увидела, что он уже смотрит на неё. «Вчера вечером», – ответила она, чувствуя головокружение от недосыпания и недостатка еды, которой рабам никогда не хватало. Рабов недокармливали, чтобы они оставались худыми, но была и другая причина, о которой Дэмиен знал. Давая рабам недостаточное количество пищи, их ослабляли, что облегчало задачу сделать их послушными и заставить слушаться стражников.

Видя, что он не отвечает, а лишь продолжает на неё смот-

реть, Пенни отвернулась. Чем дольше он на неё пялился, тем неуютнее ей становилось. Ей хотелось сказать: «Хватит на меня пялиться!», но у неё не хватило на это смелости. В этом мужчине было что-то такое, что заставляло её чувствовать, что пререкаться с ним не стоит. Меньше всего на свете ей хотелось, чтобы он её зарезал.

Лучше всего было игнорировать его, что она и делала, пока карета не остановилась. Он сам открыл дверцу, не дожидаясь кучера, и она едва не ударила того, заставив отскочить в сторону и склонить голову.

Выходя из кареты, ей пришлось быть осторожной. Руки у неё были свободны, а вот ноги – нет. Они по-прежнему были скованы одной цепью, соединявшей лодыжки, чтобы она не могла быстро передвигаться.

Пенни посмотрела на небольшое здание с вывеской «Гостиница „Маклэр“». Неужели мужчина остановился, чтобы накормить её? Это донельзя сбивало её с толку. Она слышала рассказы о рабах, о том, как тяжело им приходилось с властными хозяевами, которые обращались с ними хуже, чем с собакой или любой другой низшей тварью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.